

© 2014 г. Е.Л. БЕРЕЗОВИЧ

О СОВРЕМЕННЫХ ЗАДАЧАХ СЕМАНТИКО-МОТИВАЦИОННОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ НАРОДНОЙ ТОПОНИМИИ

В статье комментируются актуальные задачи семантико-мотивационной реконструкции народной топонимии. Статья выполнена на русском материале, извлеченном преимущественно из неопубликованных полевых картотек Топонимической экспедиции Уральского университета по территориям Русского Севера, Верхнего Поволжья, Среднего Урала. Рассматриваются особенности реконструкции семантического объема известных слов (особенно многозначных) с опорой на топонимию; говорится об изучении топонимической прагматики, ситуаций взаимодействия реалий и номинатора; затрагиваются вопросы интерпретации специфических топонимических моделей, не поддерживаемых нарицательной лексикой; подчеркивается необходимость по-новому осмыслять взаимопереходы в проприальной и апеллятивной сферах. Уделяется внимание вспомогательным методикам, способствующим семантической реконструкции топонимов, в частности, лингвостатистическому анализу.

Ключевые слова: топонимия, ономастика, семантическая реконструкция, мотивология, русская диалектная лексика, этнолингвистика, лингвостатистический анализ, лингвопрагматика

The article addresses the urgent need of semantic-motivational reconstruction of folk toponymy. The research is based on Russian materials extracted mainly from unpublished field card indexes of toponymic expedition of the Ural university in the territories of the Russian North, the Upper Volga region, the Middle Urals. The features of semantic reconstruction of familiar words (especially polysemous) are considered from the point of view of toponymy; the study of toponymic pragmatics and situations of interaction between realia and nominator is discussed; the issues of interpretation of specific toponymic models that are not supported by common nouns are addressed; the need for new ways to conceptualize mutual transitions in the areas of proper and appellative names is argued for. Attention is given to the auxiliary methods helping to implement semantic reconstruction of place names, to linguostatistical analysis in particular.

Keywords: place names, onomastics, semantic reconstruction, motivology, Russian dialect lexis, ethnolinguistics, linguostatistical analysis, linguo-pragmatics

Семантико-мотивационная реконструкция в современной лингвистике расширяет свои задачи, в число которых теперь входит не только объяснение значения этимона, но и воссоздание всей полноты номинативной и культурно-прагматической ситуации, способствовавшей появлению как отдельных слов, так и целых лексико-семантических полей и их последующему смысловому развитию. Эти задачи должны быть по-своему преломлены применительно к разным участкам лексикона, в том числе народной топонимии. О возможности использования в топонимических исследованиях принципа семантической мотивированности, предполагающего учет своеобразия лексики, которая употребляется в географических названиях, более сорока лет назад писал А.К. Матвеев [Матвеев 1969]. За это время были накоплены конкретные семантико-мотивационные решения, приложимые к отдельным топонимам, осуществлены семантические классификации некоторых региональных топонимиконов, предложены методические приемы реконструкции топонимической семантики, изучен ряд общих закономерностей организации семантического пространства топонимии. На нынешнем этапе есть необходимость, оглядываясь на сделанное, уточнить уже известные задачи семантико-мотиваци-

онной реконструкции в области топонимии и сформулировать новые. Некоторые из них комментируются в настоящей статье.

Консервирующие свойства топонимии хорошо известны, и они обусловили ее способность служить незаменимым источником разного рода информации – фонетической, словообразовательной, лексической и др. В ряде исследований с успехом осуществлена реконструкция тех или иных лексических основ на основе топонимических свидетельств. Из последних работ следует особо отметить фундаментальную монографию В.Л. Васильева «Славянские топонимические древности Новгородской земли», в которой среди прочего показано, что географические имена говорят об употребительности в средневековых говорах Новгородской земли многих давно забытых на этой территории апеллятивов¹, а также позволяют реконструировать вероятные древние апеллятивы, не зафиксированные в независимом употреблении² [Васильев 2012: 662–663]. Безусловно, реконструкция собственно лексем дает бесценные результаты и должна занимать все большее место в топонимических исследованиях, но сейчас хотелось бы обратить внимание на **реконструкцию семантического объема и прагматических особенностей известных слов (особенно многозначных) с опорой на топонимию**³. Этот аспект семантико-мотивационной реконструкции географических названий наименее изучен в настоящее время, он и будет рассматриваться в данной статье. Кроме этого, будут затронуты вопросы **интерпретации специфических топонимических моделей**, не поддерживаемых нарицательной лексикой, а также пойдет речь об **осмыслении взаимопереходов в проприальной и апеллятивной сферах**.

Несколько уточнений относительно объекта и ракурса анализа. В статье уделяется внимание не «штучной» работе с темными фактами, а системной интерпретации топонимических рядов и полей. Рассматриваются проблемы внутренней (внутриязыковой) реконструкции, не комментируются вопросы контрастивного или контактологического изучения семантики топонимов. Не ставится задача осуществить детальный анализ конкретных сюжетов, которые будут представлены (с разной степенью подробности) как иллюстрации к тому или иному аспекту семантической реконструкции топонимов.

Основным материалом для статьи послужили полевые записи Топонимической экспедиции Уральского университета (ТЭ УрФУ), выполненные преимущественно на Русском Севере (в Архангельской и Вологодской областях), а также в Костромской и Ярославской областях, на Среднем Урале, в Западной Сибири в течение пяти десятилетий (1960–2012 гг.)⁴. Следует оговорить одну частную особенность рассмотрения

¹ Ср.: *борие* 'бор, сосновый лес', *вяжа*, *вяжище* 'место обитания бобров', *зеремя* 'бобровая запруда', *коломище* 'могильник', *поница* 'место ухода воды под землю' и др.

² Ср.: **березуи* 'березовый лес', **озерева* 'озерное место, пересыхающее озеро', **рака*, *ракома* 'ложбина, удлиненная впадина, желоб', **ретежь* 'ссора, распря', **хутынь* 'желание, хотение; желанное место' (или 'место погребения?'), **чавьница* 'топь, сырое место' и др.

³ Подобные задачи, разумеется, формулируются и по отношению к нарицательной лексике. В частности, по-новому поставлен вопрос о реконструкции многозначных слов праславянского происхождения. В ходе такой реконструкции предполагается «выявить логику развития <...>, определить импульсы и механизмы, лежащие в основе семантических процессов (метафорические и метонимические переносы, семантическая иррадиация, конкуренция и взаимодействие семантических моделей, внешнее влияние, калькирование и т.п.), структурировать набор значений и раскрыть ("объяснить") его внутреннюю иерархию, наконец, отделить "типичные" сочетания значений, связанные с явлением регулярной (категориальной) многозначности, от "индивидуальных" случаев совмещения разных значений в рамках одной лексической единицы» [Толстая 2008: 13–14]. Эти задачи могут быть решены с помощью специальных исследований, «которые опирались бы не на голый перечень значений, приводимых в этимологическом словаре и сформулированных к тому же обычно в самом общем виде, а на по возможности подробный анализ контекстов (тем самым и стоящих за ними реальных ситуаций) и особенностей употребления слова в каждом языке» [Там же: 14].

⁴ Материалы ТЭ УрФУ даются без указания на источник; в качестве паспортизирующей пометы приводится сокращенное название административного района (см. список сокращений). В том случае, когда топоним иллюстрирован комментарием диалектоносителя, приводится также название деревни, в которой осуществлена запись.

материала. В ряде случаев при названиях будут приводиться мотивирующие контексты, данные носителями народной топонимии. Разумеется, такие контексты могут отражать сугубо индивидуальную расстановку смысловых акцентов или же содержать позднейшее переосмысление первоначальных мотивов номинации (при этом безусловные примеры ложной этимологии не брались во внимание). В задачи данной статьи не входит выявление истинного первоначального мотива номинации для каждого из приводимых названий; из контекстов важно почерпнуть спектр возможных мотивировок. Даже в том случае, когда мотивировки явно вторичны по отношению к какому-либо конкретному топониму, они представляют интерес для исследователя, фиксируя модель деривационно-мотивационных связей, актуальную для языкового сознания. Потенциалы восприятия и создания имени обратимы: то, что отражается в актах рефлексии по поводу названия, может быть реализовано в номинациях. Таким образом, этот источник информации используется как вероятностный, а соответствующая информация при необходимости верифицируется с помощью данных других источников.

1. К настоящему моменту накоплены описания семантических моделей в топонимии отдельных территорий, обозначающей различные классы географических реалий (преимущественно населенные пункты и гидрообъекты). Таких описаний недостаточно (точнее, очень мало) для «покрытия» территории России, но достаточно для того, чтобы составить представление о наиболее продуктивных моделях. «Сухой остаток» образуют семантические типы, реализуемые единичными названиями в каждом региональном топонимиконе, которые нередко остаются непроинтерпретированными, поскольку смысловые параллели для них обнаруживаются лишь за пределами локальных систем, в топонимии другого района, области, края. В первую очередь это касается основ, не связанных напрямую с типичным денотативным пространством топонимии (ландшафт, флора, фауна, постройки и пр.). Задача современного этапа видится во **включении подобных «несистемных» названий в максимально широкий контекст макросистемы русской топонимии**, что позволяет увидеть их варьируемую повторяемость, дающую ключ к интерпретации.

Примером могут служить «деятельностные» топонимы, обозначающие разовые события или повторяющиеся ситуации, связанные с географическими объектами (обзор таких названий, выполненный в «первом приближении», представлен в [Березович 2009: 199–278]). К примеру, есть названия, в которых отражена ситуация передвижения на лошадях. В некоторых труднопроходимых местах (возвышенных, заболоченных и др.) лошадь приходится распрягать или погонять, ср.: г. *Распрягальница*: «Трудно проехать, лошадь распрягали» <Бабуш, Демьяновский Погост>, часть д. *Выпрягово*: «Выпрягали лошадей: такая грязь была, что не проехать» <Влгд, Прилуки>, пок. *Выпрягальница* <КБ>, поле *Выпряганихи* <К-Г>, г. *Мызгунья*: «Лошади станут на ёй и не идут, вот и мызгаешь, – клиць это такой, чтобы она двигалась, – горку Мызгуней и прозвали» <Кон, Вершинино>, г. *Сынькало*: «Крутая гора, сынькали там, лошадки-то не шли» <Вох, Кекур>, ур. *Погонялка* <Плес>, г. *Понужалка* <Ревд>⁵ и др. Неровные места, где трудно пройти, могут получить названия, рисующие образ переломанных ног или хромоты: поле *Разломьнога*: «Есть провалы, проломы» <Плес, Карельское>, пок. *Изломиньги* <Тот>, г. *Костоломная Гора* <Нянд>, ур. *Костоломьиха* <Он>, ур. *Хлопоногое Поле*: «Всё как в кочках таких, вот и Хлопоногое, ноги-те переломашь» <Вох, Никола>, поле *Шаварлогая Новина* <Кр-Уф>, г. *Кулявая Гора* <В-Т>⁶, бол. *Кривоньное* <У-Куб>, поле *Кривоньгий* <Шенк>, пок. *Хромая* <Пин>, пок. *Хромой Угор* <К-Б>, поле *Хромьихи*

⁵ Ср. арх. *мызгать*, костр. *сынькать*, диал. шир. распр. *понужать* 'погонять, понукать (лошадей, быков и др.)' [КСГРС; ЛКТЭ].

⁶ Ср. костр. *хлопоногий* 'хромой, кривоногий' [ЛКТЭ], енис., зап., ряз., юж., смол. *кулявый* 'то же' [СРНГ, 16: 77], ср.-урал. *шаварлогий* 'кривоногий' [СРГСУ, 7: 40].

<Вин> и т.п. Номинативно отмечены сырые (болотные) леса с искривленными стволами деревьев, удобными для изготовления санных полозьев или *бала* – приспособления для гнутья полозьев: лес *Бáльный Лесок*: «Ёлки на бала вырубали мужики» <Окт, Малая Стрелка>, бол. *Бáльная Лы́ва* <Вель>, бол. *Салáзкино Болото*: «На салазки вырубают берёзки, на полозья» <Бабуш, Дор>, лес *Полозкí*: «Полозки заготавливали» <Ревд, Кунгурка>, бол. *Пóлозово* <Холм>, бол. *Полозовíк* <Кадый>.

Каждое такое название единично в своей весьма обширной системе (скажем, среди нескольких тысяч топонимов), но в масштабах макросистемы традиционной русской топонимии указанные модели явно выделяемы, что дает основание интерпретировать темные факты (вроде *Шаварлогая Новина*, *Мызгунья*, *Бальный Лесок*).

2. Появление электронных способов хранения информации и создание баз данных облегчают **использование лингвостатистического анализа при семантической реконструкции географических названий**. Он особо эффективен по отношению к «топонимии больших чисел», т.е. к обширным именованным массивам, в пределах которых наиболее явно прослеживаются закономерности распределения частотности названий, принадлежащих определенным тематическим группам и рядам. Уже не раз говорилось о том, что близкие или равноценные с логической точки зрения понятия нередко оказываются неравномерно отраженными в географических названиях (это относится к топонимам, содержащим в своем составе, например, указание на стороны света, цветовые характеристики, числовые показатели и т.п., см. в [Березович 2009: 50–63, 197–198]), что свидетельствует об избирательности топонимической номинации и повышает значимость этнолингвистической интерпретации топонимов. Кроме того, анализ частотности отдельных основ в топонимии и в целом в ономастике может оказать существенную помощь в воссоздании картины бытования соответствующих нарицательных слов, выяснении степени их распространенности, семантических объемов и др. Это особенно важно, если учесть, что диалектная речь не фиксируется на письме, поэтому анализ лексической частотности затруднен.

К примеру, была изучена частотность топонимических реализаций различных основ, обозначающих дневных хищных птиц. Были отобраны названия птиц, в зону обитания которых входят Русский Север, Верхнее Поволжье и Средний Урал (территория функционирования рассматриваемых топонимов). Среди выбранных орнитонимов есть как литературные (*балабан*, *беркут*, *канюк*, *кобчик*, *коршун*, *кречет*, *орел*, *пустельга*, *сапсан*, *сарыч*, *скопа*, *сокол*, *ястреб*), так и диалектные (например, ср.-урал. *берк* ‘беркут’; олон., влг., новг., ленингр., карел., моск. *габу́к*, ленингр., влг. *гагу́к* ‘ястреб’, влг. *кобу́к* ‘ястреб; птица семейства ястребиных’; арх. *гальча́тник* ‘хищная птица, ястребок (?)’; арх. *кори́ак* ‘коршун’; ср.-урал. *скоба́* ‘скопа’; арх. *ча́нус* ‘хищная птица (какая?)’; арх. *чили́жник* ‘ястреб мелкой породы’ и др.; список диалектных слов для проверки составлялся с опорой на [Лысова 2002; ДЭИС])⁷.

Поиск топонимических реализаций указанных основ показал, что в русской по происхождению топонимии представлены немногие из них⁸: *балабан*, *канюк* (*каня*), *коршун* (*коршак*), *кречет*, *орел*, *скопа*, *сокол*, *ястреб*.

⁷ При этом из списка пришлось исключить те наименования, которые заведомо не могут быть верифицированы как производящая основа для топонимов (вследствие омонимии или многозначности основ), ср., к примеру: арх. *ворон* ‘коршун’, *воронёнок* ‘ястреб, коршун’, арх. *курятник* ‘ястреб-тетеревятник’, *орел-рыболов* ‘поморник’, ср.-урал. *тетёрник* ‘ястреб-тетеревятник’ и др.

⁸ Анализ сделан в «первом приближении», в нем есть ряд допущений. Так, не принимались во внимание топонимы на *-ово* (типа *Соколово*, *Орлово*), поскольку здесь велика вероятность отантропонимических наименований (в расчет брались только единичные названия на *-ово*, которые информанты объясняют в связи с птицами). Не учитывались и топонимы, образованные от наименования лица по роду занятий (*сокольник*).

**Представленность в топонимии различных названий, мотивированных
обозначениями хищных птиц**

Топооснова	Примеры топонимов	Кол-во фиксаций ⁹ топонимов	Доля (в %)
сокол	г. <i>Сокол</i> , <i>Соколёна</i> , оз. <i>Сóкол-òзеро</i> , бол. <i>Соколиное Болото</i> , <i>Соколий Мох</i> , <i>Соколья Гладь</i> , о-в <i>Соколий</i> , мыс <i>Соколий Мыс</i> , лес <i>Сокóличья Роцца</i>	330	55,5
орел	г. <i>Орёл</i> , <i>Орлиное Гнездо</i> , мыс <i>Орлёц</i> , <i>Орлиный Нос</i> , оз. <i>Орловое</i> , бол. <i>Орлихи</i>	94	15,8
ястреб	р. <i>Ястребёц</i> , поле <i>Ястребиное</i> , бол. <i>Ястребиха</i>	58	9,7
канюк (каня)	поле <i>Канюкóво</i> , ур. <i>Канюкóво Гнездо</i> , пок. <i>Кáнин Нос</i>	38	6,4
коршун (коршак)	пок. <i>Коршакí</i> , о-в <i>Коршунок</i> , поле <i>Коршунíха</i>	38	6,4
балабан ¹⁰	г. <i>Балабáнова Гора</i> , поле <i>Балобáниха</i>	20	3,4
скопа	г. <i>Скопинó Гнездо</i> , оз. <i>Скопинó-озеро</i>	16	2,7
кречет	о-в <i>Крèчета</i>	1	0,2
	Всего	595	100 %

Из таблицы следует, что больше половины всех названий составляют топонимы, образованные от основы *сокол*¹¹. К сходным результатам пришел биолог А.В. Кузнецов, изучивший (на материале географических карт) названия одного типа объектов – болот Архангельской, Вологодской и Костромской обл. По его данным, 53 % названий болот, в которых отражены обозначения хищных птиц, хранят указанную основу [Кузнецов 2010: 8].

Эта статистика нуждается в отдельном анализе, а сейчас можно лишь самым предварительным образом обозначить причины такой неравномерности показателей, которая не кажется предсказуемой (сокол, скажем, является менее заметной и крупной птицей, чем некоторые другие из представленного перечня). Среди причин есть экстралингвистические и собственно лингвистические. В числе первых следует особо выделить традиции соколиной охоты. В Архангельской, Вологодской и Костромской областях были поселения сокольников (о чем среди прочего говорят ойконимы типа *Сокольники*, *Сокольниково*), образовавшиеся, судя по всему, в XIV–XV вв. Сокольники по оброку занимались промыслом соколов, которые поставлялись к царскому двору [Там же: 8–9]. Естественно, это стимулировало выделение (посредством топонимов) мест обитания птиц. Думается, названный фактор довольно значим, но, конечно, он не может быть

⁹ Здесь и далее статистические данные означают количество полевых фиксаций топонимов (одно и то же название отмечено в картотеке несколькими фиксациями, в среднем тремя). Разумеется, такие сведения являются менее корректными, чем данные собственно о количестве топонимов, реализующих ту или иную модель, однако для целей, поставленных в этой работе, они приемлемы, поскольку позволяют составить общее представление о продуктивности той или иной модели.

¹⁰ Топонимы, образованные от этой основы, встречаются на Урале, но не фиксируются на Русском Севере, что связано с местами обитания птицы.

¹¹ Приношу сердечную благодарность И.И. Муллонен, которая поделилась своими наблюдениями над особой частотностью основы *сокол* в топонимии, что стимулировало мои занятия этим вопросом.

единственным объяснением столь резкого преобладания топонимов, образованных от основы *сокол*: во-первых, для охоты отлавливали не только соколов, но и ястребов, орлов; во-вторых, ареал названий от основы *сокольник* значительно уже, чем ареалы топонимов *Сокол*, *Соколий*, *Соколиный* и т.п. Другие экстралингвистические факторы – особенности гнездовья птиц, близость / удаленность от человека (присутствие или отсутствие их в его жизненном пространстве), их количественная представленность, размер и «заметность», степень опасности этих птиц для домашних животных и др.

Большое значение, вероятно, имеют факторы собственно языковые. Особая частотность топонимов, образованных от основы *сокол*, очевидно, отчасти определяется смысловой емкостью и выразительными возможностями этой основы. Во-первых, слово *сокол* обладает наиболее диффузной семантикой, обозначая различные виды птиц семейства соколиных (к этому семейству относятся также балабан, кречет, пустельга, кобчик и др.). По всей видимости, в народной орнитологической систематике объем слова *сокол* является еще более широким, чем в научной (возможно, *соколами* называют также птиц других – сходных – семейств). Во-вторых, основа *сокол* имеет разработанный коннотативно-оценочный фон, что определяет использование ее в топонимах вне связи с собственно птицей. Это слово имеет коннотации «высокий, возвышенный (такой, где могли бы жить соколы)», «быстрый, стремительный», «имеющий форму соколиного крыла», «красивый»; ср. мотивировки топонимов: мыс *Соколок* (рядом мыс *Голубок*): «Боевы таки, острые мыски с двух сторон Гольца» <Прим, Красное>; поле *Соколово*: «Поле по форме похоже на крылья сокола» <Кир, Зайцево>; холм в лесу *Сокольна*: «Высокая, как соколы летают высоко, потому и Сокольна. Да нет тут соколов-то, это просто назвали так» <В-Уст, Щекино>; пок. *Соколово*: «Соколово на окате, не на ровном месте, как сокол. Тако красиво место» <В-Уст, Полдарса Первая>; ур. *Сокол*: «А тут холм высок, а там узка длинна бережина (ур. *Хвост*)» <Мез, Азаполье>; руч. *Сокол*: «Быстрый такой ручеек» <Пав, Березовка>; руч. *Соколово*: «В горе в такой, дак как сокол» <Нюкс, Красавино> и др.¹². Показательно, что другие топонимы, в основе которых лежат обозначения хищных птиц, дают сугубо «бытийные» мотивировки: пок. *Орлово Гнездо*: «Там орел гнездо свил» <Леш, Шегмас>; р. *Коршун*: «Там болото, филины, коршуны живут, вероятно, оттого назвали» <Вил, Гришинская>; г. *Скопино Гнездо*: «В середине болота Лывно горка есть, птицы гнезда там вьют, глухари и другие крупные птицы, эту горку зовут Скопино Гнездо» <Нянд, Шултус> и т.п. Мотивировки, указывающие на метафорический характер наименования, встречаются только у топонимов, образованных от основы *орел* (пок. *Орлецы*: «Высокие такие, как орлы» <В-Т, Тинева>), но гораздо реже, чем у названий с корнем *сокол*.

Таким образом, сравнение продуктивности топооснов, принадлежащих к определенной тематической группе, помогает охарактеризовать семантическое своеобразие основ.

3. Мало изучена семантическая «сочетаемость» топонимов. Если в сфере нарицательной лексики сочетаемость является синтагматическим свойством, то в сфере топонимии она имеет как синтагматические, так и парадигматические черты, поскольку основана на способности топонима вступать в семантические оппозиции с другими названиями, при которых смысловой связи топонимов соответствует пространственная смежность или соотнесенность географических реалий. Наиболее известны семантические пары (ряды, микросистемы) *большой – малый*, *старый – новый*, *верхний – нижний* и др., которые имеют широчайшее распространение. Более 20 лет назад были проанализированы основные типы семантических рядов, их функциональные особен-

¹² Возможно, в каких-то случаях топонимы типа *Сокол* являются самостоятельными образованиями, связанными с *сечь*, без посредничества *сокол* 'falco' (подробное рассмотрение происхождения названия птицы, производимого от ***sekt* 'i: **sěkti* 'сечь', и омонимичных лексем представлено в [Петлева 2003]), однако, кажется, количество таких фактов в топонимии минимально.

ности, роль в локальных топонимических системах и т.п. (см. [Березович 1992]), но подробная каталогизация моделей семантической связи топонимов и по сей день не осуществлена.

Выявление перечня семантических рядов в различных региональных топонимиконах могло бы способствовать решению задач этимологической и мотивационной интерпретации топонимов. Семантическая микросистема создает своеобразный контекст для входящих в нее элементов, внутри которого действует закон смыслового согласования, поэтому анализ конкретного контекста позволяет восстановить реализующееся в данном случае значение онимов, анализ круга контекстов – парадигму значений.

Интересны те связи, которые представлены именно в топонимии, но не засвидетельствованы (или слабо фиксируются) в апеллятивной лексике. Яркий пример такого рода – оппозиция *круглый – долгий*: оз. Долгая Ва́дья – Круглая Ва́дья: «Долгая Ва́дья длинная, а Круглая Ва́дья кругленькая, как яичко» <Лен, Яреньга>; поле *До́лгуша* – поле *Кру́глица*: «Долгое оно, а то круглое» <Прим, Ластола>; паш. Долгая – Круглая: «Одна круглая, как круг, а вторая не такая круглая» <Вил, Борок>; оз. Долгий О́ньчуж – Круглый О́ньчуж <Холм>; оз. Долго Ви́льдозеро – Кругло Ви́льдозеро <Он>; бол. Круглая Мя́нда – Долгая Мя́нда <Бел>; оз. Долгая Ста́рка – Круглая Ста́рка <Ней>; пок. До́лгуша – Кру́глуша <Кад>; пок. Долгая Ве́льга – Круглая Ве́льга <Чаг> и др.

В ряде случаев многозначные и семантически емкие тополексемы входят в состав нескольких оппозиций. Так, тополексема *чистый* выступает в топонимии в составе различных оппозиций, которые можно разделить на две группы. В оппозициях первой группы проявляется известная литературному языку антитеза «не содержащий грязи» – «загрязненный»¹³, а другая (более представительная) группа обнаруживает антитезу «безлесный, очищенный от растительности» – «заросший лесом»:

чистый – глухой: бол. Чистый До́мгиль – бол. Глухой До́мгиль: «Чистый Домгиль – чистое болото, а Глухой зарос весь» <Вил, Щербинская>; бол. Чистая – Глухая: «Два болотца в километре, только Глухая в лесу, круглышка така лесом окружена, а Чистая в чистом месте» <Карг, Филипповская>; бол. Чистое Болото – бол. Глухое Болото: «Болото на полянке, а Глухое Болото – в лесу» <Вил, Борок>; оз. Чистое Фомино́ – Глухое Фомино́: «Одно озеро на поляне, а другое лесом окружено» <Сверд> [Березович 1992: 186]; д. Туймино Чистое – Туймино Глухое <Вель>; оз. Чистое – Глухое <Сок>;

чистый (чистно́й) – лесной: бол. Чистое – Лесное <Парф>; лог Чистая Тоня́ – лог Лесная Тоня́ <В-Т>; д. Чистно́е Петрако́во – Лесное Петрако́во: «Одно в лесу стояло, а другое на чисти» <Пош, Андриюшино>;

*чистый – согроваты́й*¹⁴: бол. Чистое Болото – Согрова́тое Болото: «Одно чистое, а на другом бугры, согры» <Лен, Савкино>;

чистый – часто́й: бол. Чистое Болото – Часто́е Болото: «На этом болоте далеко видно, ни деревца, всех людей видно, кто за клюквой пришел – поэтому оно называется Чистое, а есть ещё Частое Болото, там, наоборот, деревца растут» <Костр, Починок Чапков>.

Отмечены также «синонимические» пары (сходные по смыслу лексические варианты топонимов, которые обозначают один географический объект), поддерживающие «безлесную» семантику *чистого*:

*чистый = дороваты́й*¹⁵: бол. Чистое = Доровато́е <Чухл>;

¹³ Ср. пары *чистый – грязный*: руч. Чистый Де́мкин – Грязный Де́мкин <В-Т>; ур. Чистая Ша́лга – Грязная Ша́лга: «Грязная Шалга завалена вся валежником, а Чиста Шалга, понятно, аккуратно место» <Кир, Рыбацкая>; пок. Чистая Речка – Грязная Речка <В-Важ>; *чистый – дрянной*: пастб. Чистая Поляна – Дрянная Поляна <С-Гал>; *чистый – поганый*: оз. Чистое – оз. Поганое <Кир> (нелишне вспомнить и тот факт, что московские Чистые Пруды до XVIII в. назывались Погаными, а современное название получили после очистки).

¹⁴ Ср.: арх. *согроваты́й* 'покрытый кочками, небольшими лесными островами (о болоте)' [КСГРС].

¹⁵ Ср.: арх., влг., север. *дор* 'вновь расчищенное место под сенокос или под пашню' [СРНГ, 8: 129].

чистый = гладкий: бол. *Чистое* = *Гладкое* (2) <Ваш; В-Уст>;

чистый = лысый: г. *Лысая Гора* – г. *Чистогорье*: «Там еще Лысая Гора была, где Чистогорье было, там ведьмы живут» <Парф, Родино>.

В русском литературном языке отмеченные «антонимические» пары, кажется, отсутствуют, а в диалектной нарицательной лексике «проскальзывает» только оппозиция *чистый* – *глухой*. Она фиксируется в одном узком контексте – в противопоставлении берез с шероховатыми и с гладкими листьями: арх., влг. *глушина*, *глушица* – *чистоха*, *чистуха* [СГРС, 3: 42–43; КСГРС; АОС, 9: 129], ср.: «Цистухой париться можно, а глушина – на веники, пол мести» (влг.) [СГРС, 3: 42–43], «Каг глаткий листочек, востроносой, то называецца цистоха, а у которой шэроховатый, круглой и побольшэ, то называецца глушына» (арх.) [АОС, 9: 129].

Отмечалось, что «во всех славянских языках *чистый* применительно к локусам может означать отсутствие (как естественное, так и достигнутое специальными действиями) растительности, деревьев: рус. *чистое поле*; ряз. *чистина* ‘поляна, открытое место’, смолен. *чистик* ‘просека, поляна в лесу’, карел. *чисть* ‘не заросшее лесом место’; с.-х. *чистина* ‘свободное открытое пространство’ и т.п.» [Толстая 2010: 191]. Топонимические данные усиливают эту смысловую линию в гнезде **čistь*. В большинстве нарицательных фактов такого рода участвует не собственно прилагательное *чистый*, а различные его производные (в русск. *чистое поле* семантика отсутствия растительности находится на втором плане, на первом же – идея пространственной «незанятости», открытого места), ср. перечень производных от **čistiti* в значениях, связанных с расчисткой земли, в [Куркина 2011: 135–136]. В топонимии же признак отсутствия растительности активен как собственно для прилагательного *чистый*, так и для других родственных слов. Топонимический акцент на «безлесности», разнообразно обыгрываемый в системных связях изучаемого слова, можно считать аргументом в пользу «деятельностной» природы *чистого* как расчищенного, ср. реконструкцию **čistь* как причастия страд. прош. от несохранившегося **čidjǫ*, **čisti* в [ЭССЯ, 4: 122].

В тех случаях, когда многозначная лексема оказывается представленной в нескольких различных семантических оппозициях, топонимическое употребление помогает установить лингвогеографическое распределение оппозиций, определить, какой тип семантических отношений наиболее актуален для диалектной системы той или иной территории. Так, в топонимии Русского Севера слово *пресный* встречается в паре с *солёный*, а в топонимии Среднего и Южного Урала, а также Западной Сибири встречаются пары *пресный* – *горький*: оз. *Пресное* – *Горькое* (3 пары) <Приг, У-Иш, Тобол>; оз. *Большое* и *Малое Горькое* – *Большое* и *Малое Пресное* <Челяб>; оз. *Горький Абышкан* – *Пресный Абышкан* <Омск> [Березович 1992: 97] и др., ср. также название с. *Пресногорьковка* в Кустанайской области (по озерам *Пресное* и *Горькое*).

При изучении семантических связей географических названий важно учитывать **относительную продуктивность различных компонентов топонимического ряда**. Семантические связи в некоторых случаях настолько сильны, что под влиянием топонима, реализующего продуктивную модель, появляется окказиональный топоним, образующий с названием-стимулом смысловую пару. Окказиональность в данном случае не связана с функционированием названия в пределах локальной системы, которой оно принадлежит (в ней оно устойчиво воспроизводится), а определяется по отношению к номинативному фонду топонимикона в целом. В таких «наведенных» топонимах скрываются своего рода **потенциальные слова**, которые вряд ли закрепились бы как факт нарицательной лексики (или имели бы узкую сферу распространения), но проявляются в проприальной системе, которая более восприимчива к потенциальному, поскольку здесь не всегда происходит многосторонняя понятийная отработка плана содержания языкового знака. При этом сами по себе потенциальные слова интересны как демонстрация возможностей какой-либо модели.

Можно рассмотреть это явление на примере топонимов, образованных от обозначений сторон света, имеющих, в свою очередь, устойчивые связи с обозначениями времени суток или приема пищи (которые нередко отражают наблюдения над положением

солнца). В массиве этих наименований весьма популярны и частотны топонимы, указывающие на север и юг, которые производны от основ *ночь – полдень, зима – лето*¹⁶ (подробнее об этих названиях см. в [Березович 2009: 109–122]). На фоне продуктивных топонимов появляются окказиональные, выделяющие промежуточные направления розы ветров.

О первой паре таких названий автору этой статьи уже приходилось писать [Там же: 115]. Р. *Павечёрная* (бассейн р. Юг на территории Никольского р-на Вологодской обл.) течет с северо-запада, в нее слева (с севера) впадает р. *Ночная*. Топоним *Павечёрная* не имеет аналогов в топонимии Русского Севера и образован от не засвидетельствованного в нарицательной лексике слова **павечерье* 'северо-западное направление' (эта лексема фиксируется только во временном значении, ср.: влг. *павечерье* 'время перед заходом солнца' [СРНГ, 25: 109]).

Любопытна также пара, выявленная А.А. Макаровой: озера *Лётнее* и *Осённое* находятся на берегу р. Андога <Кад>, одно на юге от деревни Ступолохта («На лете оно, на юге»), второе – на северо-западе [Макарова 2012: 92, 446, 491]. Второе название окказионально, для него следует предполагать производящую основу **осень* 'северо-запад'.

Еще пример: ручьи *Пáбедной* и *Полднeвóй* впадают в р. Нея (бассейн Ветлуги) друг против друга, причем «Полднeвóй с юга, Пáбедной западнее» <Шар, Конево>. Название *Пáбедной* встречается единожды – только в составе этой пары. В его основе, очевидно, диал. *пáбед* (ср. также *паобéдьe*), которое имеет разные значения, связанные со временем принятия пищи, – от второго завтрака до ужина [СРНГ, 25: 106, 203]; в рассматриваемом случае следует восстановить **пáбед* 'запад' ← 'время после обеда', ср.: твер., новг., пск. *пáбед* 'еда между обедом и ужином' [Там же: 106].

Есть случаи, когда «слабые» топоосновы фиксируются неоднократно, в составе нескольких топонимов, но такие топонимы каждый раз оказываются включенными в семантический ряд. Так, все названия, образованные от основы *дневной*, входят в соотносительные ряды с топонимами от основы *ночной* и, по всей видимости, «наведены» ими: р. *Ночной Ирдомок – Дневной Ирдомок* <Окт>, р. *Дневной Портюг – Ночной Портюг* <Меж> (впадают, соответственно, в р. Ирдом и Портюг с севера и с юга), ср. влг. *день* 'юг (сторона света)', арх. *дневной* 'южный (о ветре)' [СГРС, 3: 228, 229]. «Слабость» этой основы по сравнению с основой *полдень* (имеющей десятки «пространственных» реализаций) коренится, наверное, в том, что слово *дневной* маркирует длительный временной отрезок, характеризующийся положением солнца в разных точках, поэтому у него менее точная, «несфокусированная» пространственная семантика¹⁷.

4. В ходе предшествующего изложения были затронуты **многозначные топонимические лексемы**. Хочется остановиться на них подробнее, причем особо выделить **качественные прилагательные** общенародного языка (ясно, что структурные особенности русской топонимии не позволяют так же детально изучать с ее помощью другую категорию слов с повышенной многозначностью – глаголы). Как правило, они приложимы ко многим типам географических реалий, т.е. функционируют в разного рода

¹⁶ Ср.: арх., влг., костр. *ночь, зима* 'северное направление, север', *полдень, лето* 'южное направление, юг' [КСГРС; ЛКТЭ]. Точные подсчеты частотности названий затруднены, поскольку данные топонимы могут указывать и на стороны света, и на сезонность использования объекта (особенно *зимние* и *полдневые* топонимы), однако можно с уверенностью сказать, что «географическая» мотивация устойчива. В топонимии Архангельской, Вологодской и Костромской областей насчитывается несколько десятков реализаций модели *ночь – полдень* и несколько сотен модели *зима – лето*.

¹⁷ О значимости наблюдений над положением солнца для топонимической оппозиции *дня* и *ночи* говорит, к примеру, такая пара: пок. *Полднeвóй – Ночной*: «На Полднeвóм быстро трава просыхала, а на Ночном медленно: лес рядом, поэтому так называли» <Сок, Телячье>. На основе признака освещенности может сформироваться и более широкий признак света: оз. *Дневное – Ночное*: «В одном озере светлая вода, в другом темная» <Вин, Важский>.

объектных контекстах, что позволяет анализировать различные значения и оттенки значений.

Ниже приводятся некоторые специфические контексты употребления и далее – соответствующие им значения или смысловые оттенки качественных прилагательных, которые не отмечены или слабо засвидетельствованы литературными и диалектными словарями русского языка. Так, прилагательное *толстый* в топонимии может прилагаться к гидрообъектам, сочетаясь в составе топонимов со словами *ручей*, *озеро* и *разлив*: руч. *Толстой Ручей*: «Когда большая вода, он так разливается – кругом ходят» <Лен, Мыс>, руч. *Толстой Ручей* <Карг>, руч. *Толстоё* <Вил>, оз. *Толстоэ́рцо* <Шенк>, старица *Толстой Разлив* <Шар> и др. Такая сочетаемость подтверждает, проясняет и расширяет единственное «водное» значение *толстого*, отмеченное в СРНГ: мурман. *толстой* ‘имеющий значительную глубину, глубокий’: «Толста вода невода подтопила (о реке)» [СРНГ, 44: 215]. Думается, дефиниция СРНГ неточна: речь идет не столько о глубине, сколько об «объеме» воды. Таким образом, *толстой*, *толстый* – ‘полноводный, имеющий избыток воды (о гидрообъектах)’.

Весьма определенно высказывается топонимия за еще одно значение *толстого* – ‘высокий, крутой (о горе, холме, участке берега)’, ср. сочетания со словами *круча*, *гора*, арх., влг. *катице* ‘место на высоком берегу реки, откуда скатывали в воду лес, предназначенный для сплава’ [СГРС, 5: 99]: берег *Толстая Круча*: «Высокий там берег» <Ваш, Пиксимова>; г. *Толстой Луг*: «Высокой был луг» <У-Куб, Чирково>; поле *Толстуха*: «Это место выше, бугром таким» <В-Важ, Ореховская>; мыс *Толстой*: «Гора там в середине» <Карг, Масельга>; пок. *Толстая Гора* <Кир>, поле *Толстоё Катице* <Нюкс> и др. Такая смысловая валентность тоже очень слабо проявлена в словарных материалах, ср. перекликающееся с вышеприведенными значение, отмеченное как фразеологически связанное: влг. *толстой изъём* ‘высокий подъем’: «Изъём у него толстой, какой сапог ей погодится» [СРНГ, 44: 215], а также арх. *толстик* ‘крутой, возвышенный берег, мыс’ [Там же: 208].

Значение ‘не сужающийся к концу, имеющий тупую или полукруглую форму, выглядящий массивным (пртвп. *острый* ‘суживающийся, вытянутый к концу’) наиболее близко к литературным значениям *толстого*, но все же не фиксируется в соответствующих словарях. Не отмечено оно и в диалектных лексикографических источниках, которые, по всей видимости, игнорируют его из-за близости к значению ‘имеющий большой диаметр; большой в обхвате, в окружности’. Однако «обхватность» *толстого* все же не осмысливается, судя по имеющимся словарным материалам, как плоскостная форма; возможность проецирования ее на плоскость демонстрирует именно топонимия, в которой есть сочетания *толстого* со словами *мыс*, арх., влг. *нос* ‘мыс’, арх. *кóрга* ‘отмель на реке, озере, море’ [КСГРС]: мыс *Толстый Нос*: «Мыс имеет форму полукруга» <Плес, Вершинино> (ср. также более 30 фиксаций топонима *Толстой Нос* в других районах Архангельской и Вологодской областей); мыс *Толстик*: «Выделяется в озеро большой мыс» <Прим, Яреньга>; ур. *Толстой Мыс* <Кон>, отмель *Толсты(е) Кóрги* <Прим>. Показательны и отношения лексической системности, в которые вступают топонимы, образованные от основы *толстый* (*толстой*): фиксируется «антонимическая» пара *толстый* – *острый* (мыс *Толстой Нос* – мыс *Вострой Нос* <Выг>) и «синонимическая» *толстый* – *густой* (мыс *Толстый Нос* = *Густой Нос* <Холм>). Для *густого* такая семантика тоже не отмечается словарями, кроме близкого брян. *густой* ‘широкий, в сборку (об одежде); пртвп. *узкий*’ [СРНГ, 7: 247].

Наконец, в топонимии просматривается «урожайное» значение *толстого* – ‘обильный, богатый травой (о покосе, луге)’: пок. *Толстоё*: «Жирная трава, заливной луг», «Трава там густая, потому и Толстое» <Бел, Панкратовка, Верегонец>, луг *Толстой Луг*: «Богатый луг» <У-Куб>, возможно, сюда же пок. *Толстеньё* <Уст>, поле *Толстоё* <Нянд, Хар> и др.; потенциально «урожайная» семантика заложена и в названиях ягодных и грибных мест: *Толстик* <Он>, *Толша* <Бел>. Из близких словарных значений ср. новг. *толстая земля* ‘удобренная земля’ [СРНГ, 44: 214].

Свой вклад топонимические данные вносят в реконструкцию семантики прилагательного *веселый*, что подтверждает и дополняет выводы, изложенные в принципиально важной работе С.М. и Н.И. Толстых по этому поводу [Толстая 2008: 248–274]. Топооснова *веселый* представлена в топонимии Архангельской, Вологодской и Костромской областей солидным числом фиксаций (210), при этом всего 9 % названий обозначают населенные пункты (а именно среди них естественнее всего было бы ожидать реализации современных общеязыковых значений, связанных с эмоциональным состоянием и поведением человека, ср., к примеру: д. *Весёлая*: «Деревню переименовали в 1932 году, когда колхоз стал. Говорят: “Теперь весело жить будем”» <Ваш, Веселая>). Подавляющее большинство названий, образованных от основы *веселый*, мотивировано свойствами природных объектов.

Среди них выделяются названия лугов, полей, покосов (55 % от общего количества топонимов с корнем *весел-*): поле *Весёлое (Богатое) Полькó*: «Урожая с его много» <Вох, Кекур>; пок. *Веселыца*: «Хорошо тамotka косить, трава высокая» <Бабуш, Косиково>; пок. *Веселый Луг*: «Чистой, суходольной луг» <Кир, Лешево>; пок. *Веселый Лужок* <Бел>, поле *Веселуха* <Он> и др., ср. также бол. *Веселая*: «Оно небольшое, но на нём растёт клюква-то» <Вох, Тихон>. Эти названия, несущие идею урожайности и изобилия, подтверждают вывод С.М. и Н.И. Толстых: «По отношению к полям **vesel-* означает не только ‘свежий, зеленеющий, растущий’, но и ‘изобильный, плодородный, урожайный, благодатный’» [Толстая 2008: 261]. Данное положение иллюстрируется в работе Толстых двумя древнерусскими контекстами (например, «Тѣлеса убо подобно вештськия приемлюшта пишта, растутъ же и *веселятсѧ* до повелѣння таковыми въздрастѣми мѣры и лѣта» <XII в.> [Там же]). Думается, топонимические данные существенно усиливают аргументацию в пользу выделения отмеченной смысловой линии, «привязывая» ее к народной языковой стихии.

Довольно представительна группа обозначений возвышенных мест (20 %): г. *Веселый Угорышек*: «С него всю деревню видно» <С-Двин, Ненокса>; поле *Веселуха*: «Место очень красивое, вся губерния видна, вот и прозвали Веселуха» <Нянд, Андреевская>; г. *Веселухи*: «Веселое место, угорышек такой», «Высокое красивое местечко» <Нюкс, Красавино, Звегливец>; поле *Веселое*: «Оно на веселом месте, на угоре» <В-Уст, Едино>; г. *Веселая Грива*: «Веселая Грива, она кругом просвечивается. Угор-угор, всё видно, а потом откат», «Здоровая грива, лес хороший, чистый» <Лен, Лыσιμο, Тохта>; ср. также *Веселая Горка* (2) <Ваш; Нянд>, *Веселая Горочка* <Вин>, *Веселая Горушка* <Кир>, *Веселая Грива*, *Веселой Горбуль* <Бел>, *Веселые Горушки* <Прим> и др. Именно топонимические данные побудили сотрудников ТЭ УрФУ верифицировать подобные смыслы в нарицательной лексике, в результате чего было обнаружено арх., влг. прилагательное *веселый* – ‘находящийся на высоком месте с хорошим обзором’: «У нас изба-то весела, далеко видно, всю деревню», «Это поле на веселом месте, там горка, всё видать», «Веселое место было, всё видно с угора» [СГРС, 3: 77].

Выделяется и группа названий лесов (а также островов леса на болоте и – гораздо реже – болот): лес *Веселый Бор*: «Сосновый, светлый он, старики так и назвали» <Он, Большой Бор>; ур. *Веселое*: «Всё сосняк, весело, когда солнце печёт, сосны как шляпы сверху» <Кир, Бозино>; лес *Веселая Веретья*: «Лес веселый, сосновый, чистый. Там самая охота, глухари, лоси» <Котл, Яндовище>; бол. *Веселое*: «Это болото бывает покрыто жёлтыми кувшинками, которые радуют глаз» <Карг, Кудринская> и др.

В этих примерах ландшафтное «веселье» выступает как комплекс взаимосвязанных признаков, образующих в каждом конкретном случае разные комбинации: на полный светом, освещенный¹⁸, яркий, просматриваемый, дающий возможность обзора, возвышенный, открытый, чистый, сухой. Это визуально воспринимаемые маркеры природного, если можно так выразиться, «здоро-

¹⁸ Ср. также арх. *весело* ‘с большим количеством света, светло, солнечно, ярко’, ‘полный света, солнечный, яркий; блестящий’ [АОС, 3: 150–152], перм. *веселый* ‘хорошо освещенный, светлый’ [СРГСПермК, 1: 215].

вья» и «оптимизма», «жизненных сил» природы. К этому блоку добавляется «прагматический», связанный с изобилием, урожайностью, плодородием. *Веселье* задается как свойство природы с обязательным включением в нее человека, который оценивает ее с эстетико-прагматических позиций. Создается впечатление, что *весельями* называются именно те места, где человеку хотелось бы жить и хозяйствовать (известно, что излюбленными местами для строительства поселений на Русском Севере были возвышенные участки по берегам рек, с хорошим обзором местности, около травянистых лугов и сухих боров). Все это вносит дополнительные штрихи в тот семантический комплекс, который реконструируется для праслав. **vesel-* по данным собственно языковой семантики и культурных контекстов ('жизненная сила, здоровье, процветание, плодородие') и согласуется с этимологическим значением этого корня – 'способный к жизни, жизнеспособный' (и далее 'здоровый') [Толстая 2008: 179, 270]. Особые акценты, которые топонимия ставит на идее света, сопряженность положительной визуальной оценки и идеи природного здоровья и «жизнеспособности» напоминают связь значений в гнезде слав. **kras-*, где отмечается синкретизм колористического ('красный цвет') и биологического ('жизненная сила') значений [Там же: 180]. Сказанное помогает понять концептуальные основы формирования семантики некоторых древнейших слов со значением положительной оценки.

5. Установка на учет историко-географических и культурных условий, в которых функционируют объекты номинации, издавна присутствовала в топонимических исследованиях. Углубление метода *Wörter und Sachen* («Слова и вещи») при интерпретации географических названий требует внимания к **прагматике, к ситуации взаимодействия реалии и номинатора**, задающей выбор точки зрения, фокуса эмпатии.

В этом плане небезынтересна ситуация с *поклонными горами* – названиями, представленными в разных областях России. Самая известная в нашей стране *Поклонная гора* находится в Москве. Есть остроумная версия относительно происхождения ее названия, принадлежащая А.М. Молдовану, который считает, что в столичном топониме реализуется древнее, исходное значение слова *поклонный* 'наклонный, наклоненный, склоненный' (гора является пологой, а не крутой), которое затем (вследствие распространения христианского ритуала) было вытеснено значениями 'относящийся к поклону, связанный с поклонами, поклонением' [Молдован 2011: 305]. По мнению автора, «эти значения, связавшие слово *поклонный* с поклонами и поклонением, в конечном счете стали его единственными значениями. Поэтому в дальнейшем народные версии о происхождении названия *поклонных гор* складывались на основе этих новых ассоциаций слова *поклонный*. Рассказы о столичной *Поклонной горе* могли давать для таких толкований дополнительный «сюжетный материал», и в последующее время это могло становиться основанием для номинации иных *поклонных гор*» [Там же].

Такая возможность интерпретации *поклонных гор* допустима, но здесь хотелось бы привести дополнительные соображения, направленные на реконструкцию номинативной ситуации, которая определяет появление *поклонных* топонимов.

В картотеке ТЭ УрФУ по территориям Архангельской, Вологодской и Костромской областей имеется 55 фиксаций топонимов, образованных от основ *поклонный, поклон* (*Поклонная Гора, Поклон-Гора, Поклонный Бор, Поклонница* и др.). В 85% случаев это обозначения возвышенностей: г. *Поклонная Горка*: «Шли мы в церкву из Балясина Починка, как дойдём до этой горки – церкву видать. Ну, дошли, баслы (благослови) Христос. Поклонимся, умоёмся» <Ник, Крутиха>; г. *Поклонная*: «На этой горе богомольцы кланялись Кирилло-Белозерскому монастырю» <Кир, Вогнема>; г. *Поклонная Гора*: «Кладбище там, родителям кланялись» <В-Т, Степановская>; уч-к дор. *Поклонное Местечко*: «В церкву в село ходили. Как дойдём до Поклонного Местечка, её видко. Кланялись, одёжу меняли в том месте» <Окт, Даровая>; г. *Поклонная Гора*: «С этой горы было видно 12 церквей в округе, на ней хотели поставить часовенку» <Кир, Благовещенье>; г. *Поклонная*: «С этой горы церковь была видна, сюда народ молиться ходил», <Бел, Юрино>; г. *Поклонная Гора*: «Шли в Петропавловское в церкву, как дойдут

до Поклонной Горы, так и церкву видать. Кланялись, крестились» <Пав, Доровица>; г. *Поклонница*: «Церковь там была, вот горе и кланялись» <Бел, Искрино> (эта сводка дополняет материалы, опубликованные в [Березович 2009: 243], а затем в [Молдован 2011: 300–301]). Подобные мотивации есть и у топонимов, зафиксированных в других источниках. Данные о них приведены в [Там же: 300–301]; хочется добавить к ним лишь новгородские свидетельства: *Поклонная Гора (Поклонница)* есть у д. Болонье: «От Болонья первая – Поклонная Гора, а вторая – Межник, к Пашкину-то. Богомольцы кланялись, увидя с Поклонницы храм»; другая *Поклонная Гора* – у д. Шинково: «Поклонная Гора высокая, солдатам не сподняться» [НОС: 180].

Из контекстов следует, что носители традиции отмечают не только особый статус самого сакрального объекта, но и маркированность той точки, с которой открывается вид на этот объект, т. е. границы обзора. Действительно ли такие точки были значимыми настолько, чтобы к ним мог быть «привязан» ритуал поклонения соседнему культовому объекту? По мнению А.М. Молдована, подобные толкования весьма субъективны: «обычай <поклонения> полагали объект поклонения находящимся на самой горе; в силу этого священной считалась сама гора, а не открывающийся с нее вид на соседнюю местность. Так что, стремясь привязать толкование названия разнообразных *поклонных гор* к древним обычаям, современное предание характерным образом лукавит и подгоняет старое наименование под новый религиозный порядок. <...> Не кажутся убедительными рассказы о благочестивых крестьянах, время от времени поднимавшихся на гору, чтобы поклониться дальней церкви вместо того, чтобы сходить в эту церковь» [Молдован 2011: 301–302].

Следует привести некоторые аргументы в пользу особой выделенности и значимости именно точки (границы) обзора. Эта точка может быть отмечена как с помощью *поклонных* топонимов, так и другими способами: например, названиями, образованными от основ *креститься, молиться, говеть*: ур. *Крещёное Место*: «Со всех мест в церкву в Луптюг ходили. Дойдём до Крещёного Места – её увидим. Крестились, лапти меняли» <Окт, Клюкино>; г. *Богомольная Горка*: «Там молились люди, завидя церковь на следующем холме» <Кир, Коковановская>; ворота *Богомольные Ворота*, недалеко руч. *Говенный Ручей*: «Церковь была в Модно, от Говенного Ручья уже не ели, а говели», «Подходили к воротам и начинали молиться до самой церкви» <Устюж, Плотичье>; бол. *Богомольное*: «В церкву по нему идти» <У-Куб, Устье> (здесь воспроизведены с дополнениями данные, представленные в [Березович 2009: 242–243]). В таких «ориентированных» топонимах могут найти отражение не только действия прихожан, но и собственно наименования церквей. Так, недалеко от с. Кунгурка Ревдинского р-на Свердловской обл. есть *Зосимова Полянка*, которая названа так по церкви *Зосимы и Савватия*. Сама поляна находится в двух километрах от церкви, на противоположном берегу пруда, но она является той точкой, откуда становится заметной церковь при выходе из леса. Ср. также свидетельство из топонимии Карелии: *Спасова Гора* (д. Кургеницы Медвежьегорского р-на) названа так, поскольку с нее открывается вид на *Спасскую Церковь* Кижского погоста. Здесь всегда кланялись и крестились. То же самое делали у *Спасовой Луды*, когда со стороны д. Клименицы добирались по воде до Кижей. Отсюда был виден погост (сообщено И.И. Муллонен). Такие точки могут не иметь собственно языковой маркировки, но быть выделенными иными символическими средствами. К примеру, «в Кенозерье при подходе к Филипповскому погосту есть маленькая часовня на повороте дороги – именно в том месте, откуда открывается вид на погост. Горы или какого-то возвышения нет, но часовня помечает границу обзора. Это всегда важная точка, которая естественным образом получала название» (сообщено И.И. Муллонен).

Причины выделенности таких точек становятся особо понятными, если представить природные и культурные условия функционирования приведенных выше топонимов, а также «сценарий» посещения церквей. Церкви строились обычно в крупных селах, находились они, как хорошо известно, на возвышенности или на открытом месте на берегу реки, при этом к ним вели немногочисленные извилистые дороги, проложенные среди лесов и болот. Не будет преувеличением сказать, что на Русском Севере средний

по протяженности путь в церковь – около 10–15 километров. В условиях здешнего рельефа (небольшие лесистые холмы, высоких гор практически нет) особо значимым было то место, с которого – при очередном повороте лесной дороги – становилась заметной церковь. Это место не только являлось точкой отправления определенного ритуала (переодевались в выходную одежду, умывались в текущем рядом ручье, кланялись церкви, крестились), но и важным ориентиром, подтверждавшим правильность маршрута. «Ориентационная» роль церквей отражена в целом ряде топонимов Русского Севера: бол. *Церковная Просека*: «По ей шли на церкву, церкву-то далеко было видно» <В-Важ, Ореховская>, просека *Колокольный Просек*: «На него выходишь – видна была церковь наша» <Ваш, Тимошино>; тропа *Никольский Просек*: «Церковь была вроде маяка, из леса шли – ее видели, знали, что на нее выйдем. Из озера в бурю ее видно было, в колокола звонили, чтоб корабли не тонули» <У-Куб, Сергеевское> и др.¹⁹.

Все это позволяет полагать, что мотивировка названий *поклонных гор* по действию поклонения имеет прагматическое подтверждение. При этом можно допустить и существование иной мотивировки – собственными свойствами объекта («поклонностью», т.е. пологостью, покатостью). Думается, эти мотивировки необязательно должны выстраиваться в некоторой временной последовательности (первична мотивация по характеру склона, а вторична – по действию поклонения). Они могут существовать независимо друг от друга: для каких-то топонимов возможна «эстафета» мотивационных вариантов, а для каких-то – изначальная мотивированность действием поклонения. Топонимия устроена так, что небольшой круг популярных топооснов «обслуживает» огромное количество неповторимых ситуаций с участием географических объектов, поэтому продуктивные топоосновы развивают повышенную многозначность, а также способность к словообразовательной омонимии.

В рамках обсуждения вопроса о культурно-прагматическом контексте появления и функционирования топонимов стоит отметить, что есть целые разряды географических названий, выделение или «акцентирование» которых в значительной мере определяется культурными факторами. К их числу, например, относятся названия ключей и родников. Так, в Верхнем Поветлужье (в Октябрьском р-не Костромской обл.) ТЭ УрФУ не смогла записать ни одного собственного имени ключа или родника. В Среднем Поветлужье (в Шарьинском р-не той же обл.) такие названия появились: *Щедрый*, *Ключик у Германской*, *Ключик Скорбящей (Скорбящая)*: «Там вода святая. Икона Скорбящей там вышла. Где икона сказала, часовню поставили. На горе там сосны, к ним подходят, если зубы болят, коры-то брать» <Подолиха>; *Варнава*: «В Бердихе и Подолихе Варнава, праздник Варнава был. По святому Варнаве Ветлужскому. На ключик ходили, Варнавой тоже звали ключ-от» <Бердиха>; *Кузьма (Кузьма-Демьян, Ключик Козьмы и Демьяна)*: «Ключик Козьмы и Демьяна, часовня была на Лысой Горе. Говорят, часовня провалилась. Козьма и Демьян – бессребреники, воду даром дают» <Мишино> и др. Большинство названий ключей мотивированы обозначениями соответствующих праздников и икон, явившихся, по преданиям, в дни праздников на родниках. Шарьинский район граничит с Нижегородской областью (и частично входил ранее в ее состав), где очень популярны рассказы о святых источниках, см. [Шеваренкова 2004: 85–170]. Актуальность названий родников поддерживается и ныне существующей традицией посещать их во время престольных праздников.

Почему сложилась такая ситуация? Дело в том, что в Верхнем Поветлужье значительно более низкая, чем в Среднем, «плотность» названий праздников (хронимов) и соответствующих имен святых (агионимов), связанных с обозначениями объектов культа. Для Верхнего Поветлужья была типичной ситуация, когда жители

¹⁹ Не будет неуместным также напомнить, что в традиционной народной топонимии весьма популярна и продуктивна такая ориентационная модель, которая выделяет наименования некоторого объекта-посредника, ориентирующие по отношению к нему объект наблюдения, удаленный от посредника. Допустим, бол. *Осецкое* названо так не потому, что оно находится у д. *Осека* <Кад>, а лишь указывает путь в сторону этой деревни (см. обзор таких топонимов в [Березович 2009: 140–141]).

10–20 деревень, относившихся к одному приходу с церковью в крупном селе, имели один и тот же праздник, название которого соотносилось с именем церкви: к примеру, *Веденьё* (день Введения Богородицы во храм) отмечалось в селе *Веденьё*, где была *Введенская церковь*, и этот праздник объединял три десятка окрестных деревень. В Среднем Поволжье плотность хронимии гораздо выше: каждый праздник закреплен за 1–3 деревнями – так, что на один приход приходится 10 и более праздников. Соответственно, у многих праздников (святых) нет «одноименного» крупного объекта культа. На этом фоне повышается роль маленьких часовен, обетных крестов, водных источников, посвященных праздникам и соответствующим святым. Информация о чтимых датах и святых как бы «разбрызгивается» в пространстве, она ищет себе новых способов символического закрепления – например, в названиях родников.

Таким образом, важно воссоздавать культурно-прагматический контекст, который входит составной частью в ситуацию номинации, способствующую появлению обозначений отдельных типов и классов географических объектов.

6. Следующий блок проблем связан с сопоставительным изучением номинативного фонда топонимии и апеллятивной лексики.

Необходимо выявить перечень **собственно топонимических мотивационных моделей**, т.е. мотивационных формул, которые не фиксируются во внетопонимическом употреблении, хотя основаны на апеллятивной лексике. Особенно показательны формулы с высокой степенью идиоматичности. Например, к числу собственно топонимических относятся модели своеобразной наивной метрологии, в рамках которых функционируют топонимы, обозначающие небольшие речки, ручьи, сырые низины и др., где воды по пояс (и соответственно, чтобы перейти такую речку, надо по пояс раздеться). Это модели «без- + названия одежды, закрывающей нижнюю часть туловища и ноги», «гол- (мокр-) + названия соответствующих частей тела», «названия частей тела + *мыть*»: бол. *Беспортóчное*: «Переходили, дак портки сымали, по пояс было» <Кады, Новый Курдюм>; пок. *Безгáчиха*²⁰: «Реку вброд без штанов переходили», «Трава высоченная, дождь пройдет – бродили без штанов» <Кад, Порог>; ур. *Голожóтица*: «Чуди там без штанов бегали» <В-Т, Лохома>; пок. *Мокрогúз*: «Рядом болото, бродили по пояс мокрые» <Котл, Кузнечиха>; низина *Оголигúз*: «Переходить надо, дак штаны сымали» <Шар, Конево>; руч. *Гуздомóйка*: «Его переходить, дак вода до жопы доходит» <Ваш, Вашкозёрки>; р. *Гузомóя*: «Вода там как раз до гузна» <Кир, Кирбасово>; см. также примеры в [Березович 2009: 182–183]. Небезынтересно выяснить причины, ограничившие сферу реализации подобных моделей проприальными именами. Модели такого рода составляют значимую, но практически не изученную часть мотивационно-номинативного фонда национального лексикона.

Есть смысл продолжить изучение **процессов в сфере взаимных переходов топонимии и нарицательной лексики**. Это имеет большое значение для выяснения особенностей функционирования двух базовых разрядов лексикона, для совершенствования словарной подачи лексического материала. В настоящее время процессы деонимизации («детопонимизации») рассматриваются главным образом применительно к так называемым прецедентным именам, отсылающим к значимым для данной традиции культурным явлениям и событиям, ср. нарицательные слова, образованные от имен *Америка*, *Вавилон*, *Ташкент*, *Черемушки*, *Шанхай* и др., которые описаны, например, в [Отин 2004]. Не изучен сколько-нибудь полно процесс деонимизации тех имен, которые не являются прецедентными. Речь идет о словах, которые имеют топонимическое оформление, но при этом терминологизировались, о чем свидетельствует возможность внетопонимического употребления их в типичных для нарицательной лексики контекстах. Как правило, толчком для обнаружения таких слов становится именно повторяемость в топонимии.

²⁰ Ср. диал. шир. распр. *гáчи* 'штаны, штанины' [СРНГ, 6: 154].

В качестве примера можно привести топоним *Выползово* (реже *Выполза*, *Выползиха*, *Выползловка*; ср. также *Вылазово* и др.), который фиксируется в картотеке ТЭ УрФУ более 100 раз. Деревни и села с такими названиями, по данным справочников административно-территориального деления, отмечены по всей России – в Брянской, Калужской, Нижегородской, Рязанской, Самарской, Тверской, Ульяновской, Ярославской и др. областях. Этим именем, образованным от *выползать* (скорее всего, в более широком, чем литературное, значении, ср.: арх. *выползти* 'выйти наружу откуда-нибудь' [АОС, 8: 95–96]), на Русском Севере и в Верхнем Поволжье обозначают географические объекты двоякого рода. Во-первых, это места у дорог, где люди «выползают» на дорогу (в большинстве случаев это окраины поселений или граничащие с ними урочища); во-вторых, это недавно образовавшиеся части поселений или хутора, куда «выползли» (переселились) жители из той или иной деревни (здесь возможен еще один поворот образа: хутор как бы «выполз» из основного поселения). Эти мотивационные варианты могут совмещаться, накладываться друг на друга. Ср. контексты: д. *Выползово*: «Раньше-то ведь не хватало земли. <...> По берегу реки кочки, кругом было много змей. И стали выезжать на это место. И было 8 домов. Вот и назвали деревню Выползово» <Кадый, Завражье>; пок. *Выползово*: «Все выползали на это место», «Мы тут всю жизнь переезжали на лошадях» <Чаг, Марьино, Лешутино>; ур. *Выползово*: «Это место между Керасом и Согрой. У нас говорят: “О, выползли все к нам из всех деревень!”» <В-Т, Керас>; часть д. *Выползово*: «Из Мошни Выползово выползло» <Вил, Мошня>; хут. *Выползово*: «Выползли туда, дома поставили, вот и Выползово» <Вох, Кекур>; часть д. *Выползова*: «У другой деревни такие Выползовы или у дороги, эта у деревни Юрома» <Пин, Юрома> и др.²¹ Последний контекст должен был стать для собирателя сигналом к тому, чтобы попытаться записать это слово в апеллятивном употреблении, однако такая запись, к сожалению, не была сделана. В «Архангельский областной словарь» *Выползово* включено как топоним (в Каргопольском и Вилегодском районах) [АОС, 8: 95]. Слово квалифицировано как факт нарицательной лексики, кажется, лишь в одном лексикографическом источнике – «Дополнениях к Опыту областного великорусского словаря» (1858): новг. *выползово* 'домы в конце городов или местечек, составляющие отдельную часть или квартал. В XV и XVI столетиях *выползовами* в селениях назывались конечные двory (оболонья, предместья); они возникли от выселения жителей из посадов или от прибыли народонаселения' [ДО: 29].

К числу подобных фактов относятся и многочисленные *нахаловки*, распространившиеся как в сельской, так и в неофициальной городской топонимии в XX в., ср. *нахаловка* разг. 'поселок, появившийся в результате самовольной застройки' [БТС: 607], жарг. 'строение, дом, сарай, времянка и т.п., возведенные без разрешения властей; возделываемый без разрешения участок земли' [СМА: 275].

Если *выползову* и особенно *нахаловке* «повезло» в смысле лексикографической фиксации, то многие другие единицы такого типа остались «бесхозными». Думается, именно из-за топонимического оформления собирателя нарицательной лексики и лексикографы не проявляют внимания к таким фактам, которые крайне редко попадают в словари.

Среди претендентов на «прописку» в словарях нарицательной лексики можно назвать, к примеру, еще одно слово из той же смысловой сферы, что и приведенные выше, – *притыкино*. Это обозначение той части населенного пункта (или прилегающей к нему небольшой деревни, хутора), которая была построена позднее, чем основное поселение, и воспринимается как «приткнувшаяся» к нему. В картотеке ТЭ УрФУ насчитывается около 70 фиксаций таких названий на Русском Севере, в Верхнем Поволжье, на Среднем Урале, причем практически все топонимы снабжены однотипными мотивационными контекстами, что говорит о прозрачности внутренней формы для носителей топонимии. Деревни с аналогичными названиями отмечены также в Ивановской,

²¹ Ср. также лес *Вылазгора*: «С Ярбозера дорога проходила, богатых людей там грабили, вылазили» <Ваш, Екимово>.

Липецкой, Московской, Нижегородской, Новосибирской, Смоленской, Тверской, Тульской, Ярославской и других областях. Удалось найти один контекст, свидетельствующий о возможности терминологического восприятия таких слов: «Понастроили при колхозах новых улиц, притыкины в разных селах у нас появились» <Шар, Старково>.

Как было показано выше, одно из проявлений терминологического характера названий типа *Выползово, Нахаловка, Притыкино* – их широкое (едва ли не повсеместное) использование в топонимии.

Следует поставить вопрос о существовании менее заметного и более сложного (в смысле квалификации результатов) процесса деонимизации, результаты которого проявляются только в рамках какой-либо отдельной локальной топонимической системы, но не повторяются в других локальных системах. Такие результаты состоят в возникновении узколокальных географических терминов детопонимического происхождения. Практика полевой работы по сбору географических названий показывает, что это явление активизируется в последние два-три десятилетия. Это происходит в связи с резким сужением топографического горизонта носителей топонимии, которые зачастую не видят целостно линейные объекты: не знают, как текут и куда впадают реки, куда ведут дороги и т.п. Причина такой ситуации в конечном счете – разрушение традиционной системы хозяйствования (сенокосения по рекам, лесосплава и др.), когда линейные объекты утрачивают функцию организатора хозяйственных связей и используются «точечно» (подробнее об этом см. в [Березович 2011: 78–79]). Вследствие сужения пространственного горизонта географические реалии все чаще воспринимаются «кусочками»: человек знает не всю реку, а несколько покосов по ее течению, не болото целиком, а ягодные участки по его краям, не весь лес, а отдельные лесные делянки, не озеро, а участки его берега и др. Эти покосы, участки, делянки и т. п. с течением времени наделяются именами, метонимически перенесенными с названия реки или озера, причем, как правило, в форме множественного числа. В сознании носителей это множественное число читается как обозначение совокупности сходных друг с другом объектов. Однородные элементы, составляющие эту совокупность, воспринимаются как объекты апеллятивной, а не проприальной номинации.

Вот пример из топонимии Костромского Поветлужья, в котором ТЭ УрФУ работала в 2009–2012 гг. По реке *Калюг* (правый приток Ветлуги в ее верховьях) были многочисленные покосы, каждый из которых имел собственное название. Эта река находится в отдалении от деревень, в обозримом (для наших информантов) прошлом туда ездили косить по колхозной разрядке. В настоящее время названия отдельных покосов забылись, они выступают под обобщенным именем *Калюга́*. Поскольку ездили к этим покосам не вдоль реки, а по лесной дороге, которая вела к верховьям Калюга, а сама река была очень мелкой и временами пересыхала, многие информанты уже не воспринимают Калюг как реку. Название покосов – *Калюга́* – стало актуальнее, чем имя реки. Из формы множественного числа заново восстанавливается форма единственного, но уже с другим значением: **калюг* ‘лесной покос’. Это слово функционирует как географический термин и фиксируется в условиях полевого сбора. В практике своей работы сотрудники экспедиции стараются по возможности отделять друг от друга те этапы опроса, которые направлены на сбор топонимии и нарицательной лексики, чтобы информанты лучше понимали, что подразумевает в каждом случае сакраментальное «А как называется...?». О переходе *калюга* в разряд нарицательных слов в сознании некоторых информантов говорит то обстоятельство, что это слово не «всплывает» среди других топонимов (при последовательном опросе по разрядам географических объектов или по некоторым маршрутным линиям, по порядку их следования друг за другом), но появляется при сборе географических терминов (когда удается убедить информанта, что сейчас собирателя интересуют не названия отдельных мест, а «общие слова», приложимые к разным местам) – как ответ на вопрос о том, как называются покосы, которые расчищали в лесах (в отличие от покосов по берегам рек), ср.: «По реке луг, а в лесах-то калюг, калюга́ в лесах чистили. [А калюга в каком-то одном месте – или в разных лесах могут быть?] В разных лесах калюга́ были у стариков» <Окт, Боговарово>. Могут фиксироваться различия в восприятии таких фактов разными поколениями носителей

языка: некоторые представители старшего поколения помнят исходный топоним и в их сознании отсутствует деонимизированный географический термин, который употребителен в речи более молодых «пользователей» топонимической системы. Диалектологи обычно настороженно относятся к таким фактам, и если даже они оказываются записанными в ходе полевых работ, то их отсеивают составители и редакторы при подготовке словарей. В то же время практика показывает, что подобных слов становится все больше, это результаты реальных языковых процессов. Если вписать эти результаты в масштабную панораму взаимодействия имен собственных и имен нарицательных, то становится ясно, что перед нами исторически детерминированный вид такого взаимодействия, который нуждается в заинтересованном наблюдении и учете в ходе семантико-мотивационной реконструкции топонимов.

Таким образом, было бы небезынтересно выявить набор названий с «мерцающим» положением на оси «имя собственное – имя нарицательное», что позволило бы определить особенности и закономерности терминологизации, в том числе лингвогеографические, словообразовательные и семантические (названия каких классов географических объектов чаще всего подвергаются апеллятивизации? каковы прагматические условия этого процесса? накладываются ли на терминологизацию ограничения со стороны принимающей системы апеллятивной лексики? и др.).

* * *

Спектр насущных задач семантико-мотивационной реконструкции в области народной топонимии очень широк, в статье был дан комментарий лишь к немногим. В заключение есть смысл перечислить некоторые не упомянутые выше задачи. Так, в рамках **изучения словообразовательной семантики** в топонимии наибольшее внимание уделялось значениям собственно топонимических словообразовательных средств, а также сопоставлению семантики одной и той же морфемы в топонимическом и апеллятивном употреблении. Практически не осуществлялось внутриномастическое сравнение значений словообразовательных моделей, которое помогло бы выявить общие черты ономастической словообразовательной семантики и прояснить механизмы специализации разрядов ономастики в плане словообразования²². Целый блок задач связан со **сравнением топонимических систем родственных и неродственных языков**: выработка критериев разграничения семантических сходжений (генетических или типологических) в топонимии родственных языков; дополнение и корректировка метода семантического моделирования компонентов топонимических систем (при направленной этимологизации топонимов субстратных языков)²³ методом внешних и внутренних семантических

²² К примеру, объектом такого сравнения может быть архаичная отглагольная модель (от императива в форме ед. ч.), представленная в топонимии (ср. названия типа луг *Болисердцо́*, лес *Трясиногово*, ж/д станция *Незевай*, порог *Растягай*), зоонимии (клички собак *Добывай*, *Помечай*), антропонимии (фамилии *Убейсобачко*, *Продайвода*), хрононимии (*Орина-разрой берега*, *Власий-бей зиму*, *Евдокея-помети*) и др. В топонимии и антропонимии модель имеет преимущественно «нарративную» семантику, обозначая типовые ситуации, связанные с объектом. В зоонимии модель наделена дезидеративным смыслом.

²³ Этот метод применяется при работе с контактирующими (засвидетельствованными на одной территории или на смежных) топонимическими системами разных языков и состоит в построении «ономастиологическим путем на материале привлекаемого для сравнения языка (диалекта) сетки апеллятивных компонентов, постулируемых для данной топонимической системы», а затем в наложении ее на реально засвидетельствованную топонимию [Матвеев 2006: 101]. Иными словами, исследователь составляет перечень лексем, которые должны функционировать в контактирующей топонимической системе, и ведет «целестреmlенный поиск, “направленную” этимологизацию от языка к топониму, а не от топонима к языку» [Там же]. А.К. Матвеев применил этот метод, осуществив перевод на финно-угорские языки ряда компонентов русских топонимических систем. В монографии Н.В. Кабининой даются дополнительные теоретические обоснования метода, а также представлены результаты последовательного его применения по отношению к топонимии Архангельского Поморья [Кабинина 2011].

параллелей; верификация тех приемов реконструкции, которые основаны на поиске семантических (метонимических калек) и др. Для решения этих исследовательских задач (а также тех, что были более подробно представлены в статье) нужен «материальный» фундамент: скорейший ввод в научный оборот электронных баз данных и словарей по русской и иноязычной топонимии, а также активизация полевой работы. В 90-е годы прошлого века во многих научных центрах России она была приостановлена, традиции утрачены, а воссоздать их в новых условиях очень непросто (полевой сбор все более усложняется методически и организационно из-за стремительного исчезновения народной топонимии, определяемого как уходом из жизни поколений ее носителей, так и распадом традиционных природно-хозяйственных связей). Но это необходимо для сохранения и интерпретации огромного лексического массива, хранящего многовековую культурную память*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- АОС – Архангельский областной словарь. М., 1980–. Вып. 1–.
- Березович 1992 – *Е.Л. Березович*. Семантические микросистемы в русской топонимии: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1992.
- Березович 2009 – *Е.Л. Березович*. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Пространство и человек. М., 2009.
- Березович 2011 – *Е.Л. Березович*. «Перед нами – дороги новые...»: размышления о работе Топонимической экспедиции Уральского университета в первое десятилетие XXI в. // Вопросы ономастики. 2011. № 2 (11).
- БТС – Большой толковый словарь русского языка / Сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998.
- Васильев 2012 – *В.Л. Васильев*. Славянские топонимические древности Новгородской земли. М., 2012.
- ДО – Дополнения к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858.
- ДЭС – Традиционная культура Урала: Диалектный этноидеографический словарь русских говоров Среднего Урала / Авт.-сост. О.В. Востриков, В.В. Липина. Екатеринбург, 2009 [Электронное издание].
- Кабинина 2011 – *Н.В. Кабинина*. Субстратная топонимия Архангельского Поморья. Екатеринбург, 2011.
- КСГРС – картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).
- Кузнецов 2010 – *А.В. Кузнецов*. Топонимика болот Европейского Севера: наследие соколиных помытчиков // Сокольничий вестник. 2010. № 3.
- Куркина 2011 – *Л.В. Куркина*. Культура подсечно-огневого земледелия в зеркале языка. М., 2011.
- ЛКТЭ – лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).
- Лысова 2002 – *Е.В. Лысова*. Орнитонимия Русского Севера: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002.
- Макарова 2012 – *А.А. Макарова*. Русская озерная гидронимия Белозерья: системно-функциональный аспект: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2012.
- Матвеев 1969 – *А.К. Матвеев*. Значение принципа семантической мотивированности для этимологизации субстратных топонимов // Этимология. 1967. М., 1969.
- Матвеев 2006 – *А.К. Матвеев*. Ономатология. М., 2006.
- Молдован 2011 – *А.М. Молдован*. Поклонная гора // Слово и язык: Сб. статей к восьмидесятилетию акад. Ю.Д. Апресяна. М., 2011.
- НОС – Новгородский областной словарь / Изд. подг. А.Н. Левичкин, С.А. Мызников. СПб., 2010.
- Отин 2004 – *Е.С. Отин*. Словарь коннотативных собственных имен. Донецк, 2004.

* Работа выполнена на основе материалов электронного ресурса, создаваемого в рамках Программы фундаментальных исследований Секции языка и литературы ОИФН РАН «Язык и литература в контексте культурной динамики» (Проект: Электронная база данных «Русская народная топонимия»).

<i>Пин</i>	– Пинежский р-н Архангельской обл.
<i>Плес</i>	– Плесецкий р-н Архангельской обл.
<i>Пош</i>	– Пошехонский р-н Ярославской обл.
<i>Приг</i>	– Пригородный р-н Свердловской обл.
<i>Прим</i>	– Приморский р-н Архангельской обл.
<i>Ревд</i>	– Ревдинский р-н Свердловской обл.
<i>Сверд</i>	– Свердловская область
<i>С-Гал</i>	– Солигаличский р-н Костромской обл.
<i>Сок</i>	– Сокольский р-н Вологодской обл.
<i>С-Двин</i>	– г. Северодвинск Архангельской области
<i>Тобол</i>	– Тобольский р-н Тюменской обл.
<i>Тот</i>	– Тотемский р-н Вологодской обл.
<i>У-Иши</i>	– Усть-Ишимский р-н Омской обл.
<i>У-Куб</i>	– Усть-Кубенский р-н Вологодской обл.
<i>Уст</i>	– Устьянский р-н Архангельской обл.
<i>Устюж</i>	– Устюженский р-н Вологодской обл.
<i>Хар</i>	– Харовский р-н Вологодской обл.
<i>Холм</i>	– Холмогорский р-н Архангельской обл.
<i>Чаг</i>	– Чагодощенский р-н Вологодской обл.
<i>Челяб</i>	– Челябинская обл.
<i>Чухл</i>	– Чухломской р-н Костромской обл.
<i>Шар</i>	– Шарьинский р-н Костромской обл.
<i>Шенк</i>	– Шенкурский р-н Архангельской обл.

б) в обозначениях географических терминов

<i>бол.</i>	– болото	<i>пок.</i>	– покос
<i>г.</i>	– гора	<i>р.</i>	– река
<i>д.</i>	– деревня	<i>руч.</i>	– ручей
<i>дор.</i>	– дорога	<i>с.</i>	– село
<i>о-в</i>	– остров	<i>ур.</i>	– урочище
<i>оз.</i>	– озеро	<i>уч-к</i>	– участок
<i>паш.</i>	– пашня	<i>хут.</i>	– хутор
<i>пастб.</i>	– пастбище		

Сведения об авторе:

Елена Львовна Березович
Уральский федеральный университет (Екатеринбург)
berezovich@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 02.04.2013.